

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ БЕЛАРУСИ В 1920-х гг.

В 1920-е гг. большое количество детей в стране вынуждено было скитаться по улицам, не имея ни крова, ни пищи. Нет сомнения в том, что без экстренной помощи большинство из них пополнили бы ряды преступного мира. Обязанностью общества, государства и каждого человека в отдельности стало спасение беспризорных детей, не только дав им приют и питание, но и элементарное воспитание и образование. Без этих жизненно важных компонентов становление человеческой личности невозможно.

Беспризорные дети до помещения в детские учреждения «жили» где придется: в мусорных ящиках, в котлах для варки асфальта, на вокзалах и ямах возле них, в ларях на базарах, пещерах под мостом, ночлежках, оставленных зданиях. Воспитывались они, естественно, улицей. Как правило, беспризорники попадали под влияние преступного элемента, получали первые уроки по краже, знакомились со способами мошенничества и воровства. «Жители улиц» перенимали образ жизни, стиль поведения, сленг «блатных», создавая по их подобию свои организации. Сбиваясь в группы, беспризорники воровали на вокзалах, грабили магазины и квартиры, наводя ужас на представителей новой буржуазии и обывателей.

Обычным явлением среди беспризорных детей было пьянство, курение, ранняя половая жизнь. Многие из них потребляли наркотики, в основном кокаин. Высшей ценностью для беспризорного подростка была свобода. Свобода во всем, но особенно в передвижении. Тысячами они колесили по стране, а начиная с марта месяца, перекочевывали по железной дороге на юг. Население боялось «жителей улиц», смотрело на них как на опасный элемент, которого надо сторониться.

Беспризорные условно распадались на две категории: первая – дети и подростки, которые нуждались и хотели получить от государства материальную и воспитательно-педагогическую помощь, поэтому охотно шли в учреждения социального воспитания, принимая режим и условия его жизни; вторая – в большинстве состояла из подростков, свыкшихся с уличной и бродячей жизнью, приспособившихся к улице и к борьбе за свое существование в условиях беспризорной жизни, проявляла большую, нежели первая, самостоятельность, существенно не needing в государственной помощи. Последние не только не

проявляли желания пойти в обычные детские учреждения, но зачастую прямо избегали их [1, с. 13].

Первоначально беспризорники и несовершеннолетние правонарушители направлялись в детские приемные пункты. Из них детей направляли в комиссию по делам несовершеннолетних, а затем в наблюдательно-распределительный пункт, или, как его иначе называли, приемник-распределитель. Он являлся первичным воспитательным заведением для беспризорных и несовершеннолетних правонарушителей.

Поступив в наблюдательно-распределительный пункт (распредпункт), ребенок мог находиться в нем от трех недель до четырех месяцев. За это время он подвергался тщательному психологическому обследованию и наблюдению. При распредпунктах обычно имелись мастерские, красные уголки, клубные комнаты для занятий, где персонал мог бы проводить первичную воспитательную работу, но не везде. Так, Витебский распредпункт имел крайне тесное и неудобное антисанитарное помещение, обставлен был, ввиду недостатка средств, весьма скудно. По той же причине, из-за нехватки средств, в 1923 г. были закрыты сапожная и столярная мастерские. Побег из этого заведения были частыми явлениями.

Из распредпункта дети направлялись в исправительные учреждения стационарного типа: детские дома, школы-коммуны, реформатории, трудовые дома, трудовые колонии и коммуны. Эти учреждения имели смешанные составы воспитанников-беспризорников, трудновоспитуемых, несовершеннолетних правонарушителей. Правда, концентрация одной из категорий детей часто превалировала над другими в том или ином определенном воспитательном заведении. Так, в трудовых коммунах в основном находились несовершеннолетние правонарушители, а в школах-коммунах – беспризорники. Наиболее распространенными являлись три следующих типа учреждений: городские дома с кустарными и ремесленными мастерскими; сельскохозяйственные трудовые колонии; городские и сельскохозяйственные трудовые коммуны.

Попадая в детские учреждения, бывшие беспризорники и несовершеннолетние правонарушители сохраняли связь с улицей и свои старые привычки. Как свидетельствует печать 1920-х гг., они были недисциплинированны, непослушны, сидели в комнатах в тужурках, пальто и шапках, лежали на кроватях в грязной обуви, ломали мебель, бросали миски с едой, курили, ругались, самовольно отлучались в город, на рынки, станцию и т. д. Наивно было ждать другого поведения от детей, не получивших даже элементарного воспитания, проживших долгое время на улице в нечеловеческих условиях. Адаптация к нормальной жизни проходила трудно, тяжелое детство оставляло рубцы на всю жизнь. Особенно плохо подвергались перевоспитанию бывшие бродяги, попрошайки, нищие. Врач Л.М. Василевский, изучавший подрастающее поколение того времени, утверждал, что: «...мальчик, рано начавший карьеру нищего и пробивший на ней уже несколько лет – человек конченный: максимум, на что можно рассчитывать в результате тяжелой и планомерной педагогической работы – это отучить его от прямых преступлений (краж и пр.), но сколько-нибудь поднять и развить его личность – на это надеяться трудно. Скорее можно ожидать хороших результатов от рецидивиста-правонарушителя, чем от привыкшего пресмыкаться перед деньгами, унижаться перед всяким встречным юнца, как это привыкает делать маленький нищий» [2, с. 24].

Иногда бывшие беспризорники воровали в детских учреждениях, а вот Замчанскую коммуну Могилевского округа воспитанники просто разнесли [3, л. 322]. Были даже случаи нападения на воспитателей с ножом.

Одной из основных проблем детских домов, коммун и колоний было материальное обеспечение, связанное с плохим снабжением. Не хватало самого необходимого: продуктов питания, посуды, одежды, обуви, постельного белья и т.д. Такое положение вкупе с антисанитарным состоянием зданий создавало явно не самые лучшие условия для воспитания детей. Например, в 1924 г. в Могилевском округе 30% воспитанников детдомов «не могли посещать школу, ввиду отсутствия обуви» [4, л. 1].

Отсутствие денег у детучреждений сильно сказывалось на уровне развития детей, особенно малолетних и грудных. Важно было не только накормить и одеть ребенка, но и заниматься им. Однако практически во всех детдомах отмечалось недостаточное количество книг, игрушек, обслуживающего персонала. Вследствие этого детдомовцы были обделены вниманием и заботой, им не с чем было играть, нечего было читать, что приводило к их отставанию в развитии от сверстников, воспитывающихся в семьях. Так, в доме грудного ребенка, помещающегося в г. Минске на ул. Скобелевской № 14, воспитывалось до 40 детей в возрасте от 1,5 до 3 лет. При более или менее приличном питании и содержании в нормальных гигиенических условиях, тем не менее, замечалась их отсталость в развитии. Это было связано с тем, что дети не имели игрушек, им не хватало человеческого общения, некому было «заняться забавой с детьми»: сестры и санитарки были перегружены своей работой, не было сада и даже песочницы, где ребята могли бы проявить минимум своей инициативы. Работница женотдела так описала их состояние: «Дети крайне малоподвижны и грустны. Даже между собой у них не заметно связи, за исключением тех детей, матери которых работают при доме грудного ребенка и могут в свободное время жертвовать минутами отдыха для собственного дитяти» [5, л. 114].

Первые советские воспитательные учреждения для беспризорных и несовершеннолетних правонарушителей имели общую цель – воспитание полноценного члена общества, достойного «строителя социализма» и задачи – вооружить воспитанника профессией, дать минимум общеобразовательной подготовки, привить нравственные нормы поведения в советском обществе. Основными принципами деятельности детучреждений были: соединение обучения с производительным трудом, воспитание через коллектив, сочетание умственно-трудового воспитания с эстетическим и физическим.

В то время считалось, что «беспризорному и его запросам больше соответствует физический труд, нежели труд умственный» [1, с. 87]. Поэтому упор должен был делаться на подготовку квалифицированных кадров рабочих для социалистической промышленности и сельского хозяйства.

Но все упиралось в один вопрос: где взять на это деньги? В докладе отдела народного образования Могилевского округа за 1924 г. прямо говорилось: «Нет средств к организации мастерских» [4, л. 1]. В Витебске в 1925 г. дети коммун городского типа посещали только семилетки и ни к какой определенной квалификации не готовились [6, л. 441]. В 1927 г. в республике на 73 детских дома было 18 мастерских.

Проблема трудового воспитания беспокоила органы народного образования. Постепенно накапливался практический опыт, который постоянно обсуждался. В частности, на всесоюзном совещании работников учреждений для трудных детей в 1926 г. по этому поводу отмечалось: «До последнего времени не был правильно разрешен вопрос о трудовом воспитании детей. В детских учреждениях воспитывали паразитов, целевая установка детских учреждений никуда не годилась. В работе мастерских стремились, прежде всего, к увязке мастерских со школой; для руководства мастерскими приглашали инструкторо-

ров-педагогов, которые не умели поставить их на производственном принципе. В результате получились учебные мастерские, которые выпускали ребят, совершенно непригодными к практической работе» [1, с. 89].

Вопрос о целевой установке мастерских в дальнейшем так и остался открытым. Инструктора не знали, сколько лет нужно обучать воспитанников, какую квалификацию им дать, какая должна быть программа. Некоторые инструктора, вместо того чтобы показывать пример воспитанникам и работать самим, стояли «ручки в брючки» [3, л. 316, 321].

Сами дети стремились работать в мастерских, надеясь получить определенную квалификацию и хорошо устроиться в жизни. Прямо противоположным был взгляд на сельское хозяйство. Обитатели детдомов в большинстве своем крайне неохотно занимались сельскохозяйственным трудом. Подкрепляли это нежелание письма недовольных выпускников, отправленных в совхозы. Бывшие детдомовцы отказывались идти работать в сельское хозяйство, и крестьяне, в свою очередь, не хотели их брать [7, л. 33]. Однако в отдельных учреждениях, например, во Всебелорусской детской коммуне воспитатели считали по-иному, делая упор на сельское хозяйство, мотивируя это тем, что «мы живем в сельскохозяйственной стране, а поэтому нам нужны специалисты по сельскому хозяйству». В результате, в ряде случаев, дети не сами шли трудиться, а их заставляли это делать. Чтобы заинтересовать воспитанников, ввели оплату за сверхурочную работу [3, л. 318, 151].

Едва ли кто-нибудь будет оспаривать положительную роль сельскохозяйственного труда в воспитательном процессе. Сельскохозяйственные коммуны и колонии все же положительно влияли на бывших беспризорных. Дети приучались к систематическому труду. В идеальном варианте надо было бы дать подростку право выбора той или иной специальности, будущей профессии. Но в ситуации новой экономической политики это было сделать трудно. В той же Всебелорусской коммуне одной из причин побегов воспитанников было «отсутствие представления у детей перспектив дальнейшего пребывания их в коммуне» [3, л. 151].

По мнению педагогов 1920-х гг. типичной ошибкой было широко распространенное мнение о том, что работа в детдомах – это женское дело. Таким принципом в основном и руководствовались при комплектовании воспитательных заведений работниками. От руководительницы детдома, прежде всего, требовалось умение петь, декламировать стихи, играть с детьми и т.д. При этом о трудовой подготовке воспитанников как-то забывали. В результате обитатели детдомов хорошо пели, танцевали, рисовали, знали много игр, но были совершенно не приспособлены к взрослой жизни. Будущее таких детей представлялось с трудом.

Массовым явлением была перегруженность детей занятиями, различным трудом, в результате чего рабочий день доходил до 11 часов, что, естественно, являлось ненормальным и отражалось на здоровье детей [6, л. 442].

В большинстве своем положение детских учреждений определялось работой воспитателей и педагогов. Если она была добросовестной – дети отвечали тем же, была плохой – детский коллектив сразу же это подмечал.

Воспитателей, специально подготовленных для работы с бывшими беспризорниками, не было. Они набирались в большинстве своем из учителей [7, л. 34]. Многие из них обладали относительно низким образовательным уровнем, имели непродолжительный педагогический стаж. В 1929 г. в Витебском округе ни один из 40 воспитателей не имел высшего образования. Половина из них работала не более трех лет. Зарплата за 36-часовую неделю составляла 50 руб. в месяц [там же, л. 34].

Проблема нехватки высококвалифицированных воспитателей в детских учреждениях стояла на протяжении всех 1920-х гг. Основная причина – плохие материальные условия.

Особенно тяжелое положение было в годы гражданской войны и некоторое время после нее. В 1919 г. учителя не получали жалования месяцами и буквально голодали. По воспоминаниям одного из воспитателей: «Заработная плата была настолько низка вследствие падения курса рубля, что мы на нее не могли купить самого необходимого, ни обуви, ни одежды. Помню, что мне некоторое время приходилось ходить в веревочных лаптях» [8, с. 280].

В детские учреждения шли работать или действительно подвижники, или по большей части люди, которым нужен был кусок хлеба. Последние, часто не имевшие никакой педагогической подготовки, равнодушно относились к воспитанникам. Были и случаи издевательств над детьми. В 1921 г. было установлено, что дети одного из детдомов г. Минска ходят просить милостыню, в то время как технический персонал расхищал продукты [5, л. 10].

Обследование Всебелорусской детской коммуны в 1928 г. показало, что воспитательная работа в коммуне была поставлена неудовлетворительно и ее система не соответствовала требованиям, работники в ряде случаев формально относились к своим обязанностям [3, л. 168].

Кроме того, между заведующим и работниками коммуны, а также внутри рабочего коллектива происходили постоянные склоки и конфликты. Дети были разделены на «своих» и «чужих». Воспитательная работа заключалась в составлении различных планов. Занятия педагогических кружков в основном не проводились, но за них исправно выплачивались деньги. По словам заведующего: «... все работники смотрят на коммуну, как на дойную корову» [3, л. 322]. Отношение к кадрам в коммуне одна из газет описала так: «Нагрузку в 100-120 рублей, молоко с фермы получали только «свои», а вот оказавшаяся чужой новая учительница с высшим образованием была посажена на 50 рублей» [9, с. 2]. Одна из воспитательниц, чтобы отучить детей курить, оригинальничала: она угощала обитателей детдома папиросами, табак которых был смешан с хинином [там же, с. 2].

Основным методом перевоспитания в коммуне было оставление без обеда. Эта мера применялась и в других детских учреждениях и считалась в то время нормой [1, с. 90]. В результате таких методов воспитания из коммуны за 6 месяцев из 140 воспитанников сбежали 56 человек [3, л. 168].

Пример Всебелорусской коммуны только подтверждал общее неудовлетворительное положение в детучреждениях. Гнетущая атмосфера для детей в детдомах, колониях и коммунах приводила к тому, что побеги воспитанников из этих заведений были массовыми. «Практика показывает, что громадное большинство нынешних беспризорных – беглецы из детских домов. По нашей статистике, 70-80% ребят, собираемых с улицы, являются «бегунами», причем некоторые из них совершают свои побеги по 12 раз», – писал по этому поводу Н.А. Семашко, работавший в те годы наркомом здравоохранения СССР [10, с. 18]. В отчете отдела народного образования за 1929 г. отмечалось, что из «нормальных» детдомов не бежали. На протяжении 1920-х гг. основными причинами этого явления были тяжелые материальные условия жизни в детских учреждениях и неумение персонала воспитателей поставить хорошую работу в доме [7, л. 34].

Общую картину воспитательного процесса в детучреждениях портил также технический персонал и наемные рабочие. Они часто спаивали подростков, расхищали имущество, не всегда доброжелательно относились к детдомовцам [9, с. 2].

Крайне слабо и неохотно работал в детских учреждениях комсомол. В отдельных детдомах его ячейки никакой общественной и воспитательной работы не вели [3, л. 168]. Комсомольская организация г. Витебска, к примеру, не только не интересовалась борьбой с беспризорностью, но даже не давала своего представителя в комиссию по делам несовершеннолетних [7, л. 32]. До детдомов витебские комсомольцы явно не добирались.

Несмотря на все вышеперечисленное, следует все же отметить, что воспитатели и педагоги того времени, преодолевая голод, хозяйственную разруху, недостаток средств, ошибки в работе, идя часто неизвестными тропами, находили пути к решению самой насущной проблемы послереволюционных лет – воспитанию нового человека. Мы по праву можем гордиться братьями П.Н. и М.Н. Лепешинскими, М.И. Керножицким, Н.Д. Подобедом, В.З. Хоружей, А.А. Вишневской и сотнями других, кто не дал умереть душам многочисленных беспризорников и несовершеннолетних преступников.

П.Н. Лепешинский вместе с М.И. Керножицким организовал школу-коммуна в Литвиновичах Могилевской губернии в 1918 г. В ходе работы Пантелеймон Николаевич блестяще соединил новейшие методические разработки с практикой. Он указывал на необходимость привлечения к труду всех учащихся, но так, чтобы формы и содержание трудовых дел соответствовали их интересам, развивали их склонности и способности и тем самым приносили удовлетворение и радость. Все дети школы-коммуны, в соответствии с их склонностями, делились на артели. Одна артель занималась в швейной мастерской, другая – в столярной и слесарной, третья – на огороде и т.д. Переход из артели в артель был свободным, и поэтому труд детей никогда не был принудительным. Он был организован так, чтобы дети не переутомлялись, каждый выполнял объем работы, допустимый в пределах его физических возможностей и возраста. В 1919 г. школа-коммуна была переведена в Москву [8, с. 242, 251].

В 1920 г. брат П.Н. Лепешинского – Модест Николаевич Лепешинский вместе с тем же М.И. Керножицким и Н.Д. Подобедом открыл школу-коммуна в Лемене (непадалеку от Черикова). Благодаря их энергичной деятельности сложилось и выкристаллизовалось школьное самоуправление. Дети не только решали сами свои насущные проблемы, но и вели все хозяйство школы-коммуны [8, с. 272].

В том же 1920 г. Аня Вишневская, двадцатилетняя девушка, была принята на работу в Могилевский горкомхоз. Она проверяла положение дел в различных учреждениях города. Наступил день, когда Ане поручили посетить детский дом. Увиденное настолько поразило девушку, что она согласилась возглавить детдом. Впоследствии, после Отечественной войны, А.А. Вишневская возглавляла детский дом № 1 г. Могилева, один из лучших в республике.

Вера Захаровна Хоружая в начале 1922 г. стала воспитателем-пропагандистом дома юношества имени Карла Либкнехта в Минске. С большой любовью и терпением она заботилась о бывших беспризорных, помогая им стать полноценными членами общества.

Таким образом, несмотря на все ошибки, недостатки и трудности в работе детских учреждений, их воспитанники становились полноценными личностями и полноправными членами общества, получали необходимые навыки и могли смело начать свою самостоятельную, взрослую жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспризорные в трудовых коммунах. Практика работы с трудными детьми. Сборник статей и материалов / Под ред. В.Л. Швейцер, С.М. Шабалова. – М.: Изд-во глассоцвоса НКП, 1926. – 215 с.

2. **Василевский Л.М.** Беспризорность и дети улицы. – Харьков: Изд-во «Пролетарий», 1925. – 99 с.
3. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАОО МО). Ф. 6577, оп. 1, д. 687.
4. ГАОО МО. Ф. 6577, оп. 1, д. 87.
5. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п, оп. 1, д. 103.
6. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 10051, оп. 1, д. 2.
7. ГАВО. Ф. 10051, оп. 1, д. 796.
8. **Булацкий Г.** Ленинской гвардии солдат. Очерк о жизни и деятельности П.Н. Лепешинского. – 2-е изд. – Мн.: Беларусь, 1970. – 384 с.
9. **Фін Г.** Застоянае балота патрабуе сур'ёзнай «мэпіорацыі» // Чырвоная Зьмена. – 1928. – 10 жніўня. – С. 2.
10. **Семашко Н.А.** Десять лет борьбы за детство. – М.: Власть Советов, 1931. – 30 с.

SUMMARY

The paper deals with the problem of becoming of educational system in boarding-school institutions for underage criminals and waifs and strays, the problem of their socialization, labour education and professional training being analyzed as well.